

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-209-213>

Юридические основы уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам на этапах зарождения и развития Русского централизованного государства

Хабибуллин Линар Ринатович

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, Linar-7771@mail.ru

Аннотация. В статье представлено авторское видение зарождения и развития юридических основ уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам. Определено, что массовые беспорядки сопровождают человечество с момента его зарождения. Формирование уголовно-правовых механизмов противодействия массовым беспорядкам имеет длительный и многоступенчатый путь становления и формирования, учитывая специфику развития российского общества и государства. На этапе становления централизованного Российского государства, деяния с признаками массовых беспорядков относились к группе преступлений, посягающих на интересы государства. В официальный оборот было введено понятие «подыщик». К таковым относились лица, призывающие или организующие восстания против действующей легитимной власти. Дальнейшая эволюция государственных институтов в рамках Соборного уложения 1649 года позволила выделить группу государственных преступлений, в систему которых были включены деяния с признаками массовых беспорядков. На рассматриваемом историческом периоде усматривается, что деяния, квалифицируемые как массовые беспорядки, по своей объективной природе в условиях монархической формы правления, были направлены прежде всего на сложившийся государственный порядок. Проведенное исследование также указывает на неразрывную связь и схожесть по ряду юридически значимых характеристик массовых беспорядков с экстремистской деятельностью.

Ключевые слова: противодействие, государство, массовые беспорядки, экстремистская деятельность, власть

Для цитирования: Хабибуллин Л. Р. Юридические основы уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам на этапах зарождения и развития Русского централизованного государства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 209—213. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-209-213>.

Original article

Legal foundations of criminal law against mass riots at the stages of the emergence and development of the Russian centralized state

Linar R. Khabibullin

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation, Linar-7771@mail.ru

Abstract. The article presents the author's vision of the origin and development of the legal foundations of criminal law countering mass riots. It has been determined that riots have accompanied humanity since its inception. The formation of criminal law mechanisms for countering mass riots has a long and multi-stage path of formation and formation, taking into account the specifics of the development of Russian society and the state. At the stage of the formation of the centralized Russian state, acts with signs of mass disorder belonged to a group of crimes that infringe on the interests of the state. The concept of "raiser" was introduced into the official circulation. These included persons calling or organizing uprisings

© Хабибуллин Л. Р. , 2021

against the current legitimate government. Further evolution of state institutions, within the framework of the Cathedral Code of 1649, made it possible to single out a group of state crimes, the system of which included acts with signs of mass disorder. In the historical period under consideration, the acts classified as mass disorders by their objective nature under the conditions of the monarchical form of government were primarily aimed at the established state order. The study also points to an inextricable link and similarity in a number of legally significant characteristics of mass riots with extremist activities.

Keywords: opposition, state, riots, extremist activity, power

For citation: Khabibullin L. R. Legal foundations of criminal law against mass riots at the stages of the emergence and development of the Russian centralized state. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (56), pp. 209—213. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-209-213>.

Такое негативное социальное явление, как массовые беспорядки было присуще обществу на протяжении всего периода существования. Оно имеет неразрывную связь с экстремистской деятельностью. В настоящее время на международной площадке этим явлениям уделяется огромное внимание [1, с. 373—377], что и актуализирует исследование взятого для рассмотрения направления.

Вопрос о том, как противодействовать подобному деструктивному проявлению в общественной среде, вставал по мере укрепления государства, основам которого такие беспорядки могли серьезно угрожать. Однако система и характер противодействия, включающие в себя уголовно-правовые средства, зависели от цивилизационного развития общества и управляемого им государственного аппарата. В России механизм уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам имел длительный и многоступенчатый путь становления и формирования, учитывая специфику развития российского общества. Для того, чтобы раскрыть сущность заявленной нами проблемы в рамках данного исследования, первоначально следует определить содержание дефиниции «массовые беспорядки» в современной доктрине с учетом сложившихся социально-правовых условий.

В отечественной юридической литературе существует целый спектр подходов к определению объективной стороны такого преступления, как массовые беспорядки. В отдельных источниках авторы к уголовно наказуемым деяниям, образующим данный состав преступления, относят поведение, для которого характерно неповиновение власти, чаще всего выраженное в активных, агрессивно-насильственных действиях [2, с. 459—460]. В других теоретических источниках исследуемое криминально-деликventное поведение наделяют следующими юридически значимыми признаками: наличие массового скопления людей, активные противоправные действия, нарушение установленного порядка

поведения в публичных местах [3, с. 145]. В развитии данного определения также имеется точка зрения, согласно которой преступными признаются действия толпы, которые направлены на нарушение установленного порядка и правил проведения публичного массового мероприятия [4, с. 17].

Трудно выделить принципиальные отличия в содержании определений, имеющих в уголовно-правовой доктрине, но важно одно, что объединяющим их обстоятельством, отражающим сущность изучаемого преступления, является то, что квалифицирующим признаком следует считать совершение толпой агрессивных действий, выражающихся в массовом насилии, погромах, поджогах и иных подобных действиях. В развитие этой мысли необходимо привести для иллюстрации современное определение понятия преступления «массовые беспорядки», предусмотренное статьей 212 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), в следующей действующей редакции: организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, а равно подготовка лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них.

Показательным является тот факт, что современным концепт противодействия массовым беспорядкам, с учетом его позитивного эволюционирования представлен и в закреплении в уголовном законе альтернативных составов.

К ним относятся: участие в массовых беспорядках; призывы к массовым беспорядкам, или к участию в них, а равно призывы к насилию над гражданами; прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях организации массовых беспорядков

либо участия в них, в том числе приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов организации массовых беспорядков, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

Анализируемая уголовно-правовая норма, содержащая изучаемый состав преступления, отличается достаточной высокой юридико-технической проработкой, в сравнении с похожими нормами дореволюционного уголовного законодательства. Однако это было связано отнюдь не с низким уровнем юридической техники дореволюционного законодателя. Дело в том, что современное уголовное законодательство признает объектом преступного деяния «массовые беспорядки» — общественную безопасность. Если вести речь о соответствующем объекте в законодательстве монархической России, то можно обнаружить, что общественная безопасность как объект преступного посягательства стала закрепляться только с появлением первых кодифицированных уголовно-правовых актов, однако и в них в разделе «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» не содержалось нормы, схожей по признакам состава преступления с современной статьей 212 УК РФ «Массовые беспорядки». Но следует признать, что составы преступлений с массовым субъектом содержались в законодательстве, закрепляющим уголовную ответственность еще до построения отраслевой системы законодательства.

В этом контексте важно отметить, что, безусловно, содержание понятия «массовые беспорядки» формировалось в отечественном уголовном законодательстве под воздействием различных исторических обстоятельств, но, рассматривая данное понятие в ретроспективе, не стоит ограничиваться границами современной дефиниции.

В отечественной уголовно-правовой доктрине в той части исследований, посвященных изучению массовых беспорядков, многими исследователями, затрагивающими вопрос об исторических основах уголовной ответственности за соответствующие преступления, приводится периодизация, обозначенная С. А. Хохриным. Для иллюстрации нами также будет приведена данная периодизация, однако в отличие от других исследователей, она будет рассмотрена с критической точки зрения.

Классификация таких периодов предполагала выделение четырех ее основных этапов:

— первый этап (примерно XI—XVII вв.) - в рамках которого отсутствовали специальные уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за деяния с признаками массовых беспорядков. Вместе с тем в официальный юридический оборот вводится дефиниция «подымщик» и происходит криминализация ответственности за заговор и организацию «скопа»;

— второй этап (с XVII в. до начала XX в.) ознаменован установлением уголовной ответственности за «возмущение» и «бунт», предпринята попытка дифференциации ответственности в зависимости от выполняемой роли и характеристики вины, даны понятия «скопище» и «смута»;

— третий этап (начиная с 1917 г.) ознаменован включением массовых беспорядков в систему контрреволюционных преступлений. Впервые в уголовное законодательство вводится понятие «массовые беспорядки» и устанавливается уголовная ответственность за данное деяние;

— четвертый этап ознаменован принятием УК РФ 1996 года. Ранее накопленный положительный опыт позволил дифференцировать уголовную ответственность в рамках массовых беспорядков в зависимости от роли каждого из субъектов изучаемого деяния. Включена поощрительная норма, устанавливающая основания освобождения от уголовной ответственности при совершении деяния с признаками массовых беспорядков [5, с. 8].

Сам С. А. Хохрин и другие исследователи, выделяя критерии для классификации, не упоминают основного — степень централизации государства и формирования общественно-экономической формации, в зависимости от которых правящая верхушка или господствующий класс инициировали закрепление уголовной ответственности за преступления, совершаемые толпой. Исходя из этого, представляется не совсем целесообразным выделять первый этап, при этом подчеркивая, что в нем отсутствовала уголовная ответственность подобного рода.

С момента возникновения государства у восточных славян в IX—X века, складывающаяся система взаимоотношений между примитивным государственным аппаратом и племенами с общинным устройством не предполагала закрепления подобного рода преступлений даже в первом памятнике уголовного права — Русской правде. Опять же это было связано с отсутствием централизации государства, поэтому

законодательные памятники даже не содержали в себе на данном этапе упоминания о преступлениях против государства.

Первое упоминание о преступлениях, прямо или косвенно посягающих на власть монарха, стало появляться в законодательных актах после образования Русского централизованного государства. В первом общем кодифицированном акте русского права — Судебнике 1497 года — закреплялось следующее описание действий, посягающих на монархическую власть: «государскому убийце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнию» [6, с. 55]. Подчеркнем, что в ряде современных работ такого рода деяния предлагается относить к преступлениям с признаками экстремистской деятельности [7, с. 136—140], так как криминологические характеристики личности, участвующей в массовых беспорядках или экстремистских акциях существенно схожи [8, с. 104—109]. Это может подтолкнуть к переоценке характера и степени общественной опасности массовых беспорядков.

В историко-правовой науке возникало много споров по поводу трактовки понятия «подымщик». В дореволюционной историографии подымщиком называли поджигателя, однако в советской историографии природа данного термина была изучена достаточно глубоко, кроме того, было обращено внимание на другие работы дореволюционных историков [9, с. 71]. Например, И. И. Срезневский исследовал семантические свойства глагола «подымати», которому соответствовали такие значения, как «поднимать», «вооружать», «возбуждать», и соотнес их с примерами летописных известий Новгородской республики, относящихся к XV веку, и пришел к выводу, что подымщик — это человек, призывающий, то есть поднимающий народ или какую-то его часть на восстание против легитимного правопорядка [10, с. 1057]. Также существенным аргументом в пользу такой точки зрения можно считать тяжесть предусмотренного за его совершение наказания (смертная казнь).

Впоследствии в результате глубокого социально-политического кризиса, вызванного опричниной, смутой, интервенцией и сменой правящей династии, к середине XVII века намечались очередные попытки централизации государства. Стали появляться зачатки абсолютистской формы правления со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде упрочения основ господства правящего класса. Инструментом

данного процесса являлась соответствующая уголовная политика, в нашем контексте выражавшаяся в криминализации деяний, которые прямо или косвенно могли посягать на незыблемость власти правящей верхушки и олицетворяемого ей государственного порядка.

Исходя из этого в Соборном уложении 1649 года впервые в отдельном разделе выделяются государственные преступления. К одному из таких преступлений следует отнести деяния, закрепленные в статье 21 Главы II, где указано, что выступление против государя или его свиты «скопом и заговором, и учнут кого грабити, или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то по тому же казнити смертию безо всякия пощады» [11, с. 31]. Толкуя данную норму, становится очевидно, что в ней закреплялась ответственность за совершение преступлений группой людей в результате заговора против государя, данным преступным действиям также сопутствовали грабежи и иные насильственные действия.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо заключить, что становление уголовно-правового противодействия преступлениям, совершаемым массовыми группами, стало производиться в результате укрепления и централизации государства. Поэтому первым периодом следует считать хронологический промежуток, связанный с образованием Московского централизованного государства и появлением первых общерусских памятников права в конце XV века до выхода первых кодифицированных уголовных законов в оформившейся абсолютной монархии в первой половине XIX века. Обозначенные выше обстоятельства стали правовыми предпосылками для формирования системы преступлений против государственного порядка с признаками массовых беспорядков.

Список источников

1. Петрянин А. В. Международное регулирование борьбы с экстремизмом: преемственность и перспективы // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 373—377.
2. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. А. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2015. С. 459—460.
3. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. Т. IV: Преступления против общественной безопасности.
4. Вдовиченко К. Г. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.

5. Хохрин С. А. Массовые беспорядки, совершаемые осужденными в исправительных учреждениях (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань: Федеральная служба исполнения наказания Академия права и управления, 2011.

6. Судебник 1497 года // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. тома А. Д. Горский. М., 1984.

7. Петрянин А. В. Направления уголовно-правового определения признаков экстремизма: теоретико-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 136—140.

8. Петрянин А. В. Личность экстремиста: криминологический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20). С. 104—109.

9. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. тома А. Д. Горский. М., 1984.

10. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895.

11. Памятники русского права. Вып. 6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / сост. К. А. Софроненко. М., 1957.

References

1. Petryanin A. V. International regulation of the fight against extremism: continuity and prospects. *Legal technology*, 2011, no. 5, pp. 373—377. (In Russ.)
2. Russian criminal law. Special part / ed. by V. A. Konyakhin, M. L. Prokhorova. Moscow: Kontrakt Publ., 2015, pp. 459—460. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 29.10.2021; принята к публикации 13.12.2021.

The article was submitted 30.09.2021; approved after reviewing 29.10.2021; accepted for publication 13.12.2021.

3. Complete course of criminal law: in 5 vol. / ed. by A. I. Korobeev. St. Petersburg: Jurid. Center Press Publ., 2008. Vol. IV: Crimes against public safety. (In Russ.)

4. Vdovichenko K. G. Criminal-legal counteraction to crimes in the sphere of organization and holding of public mass events: Author's abstract... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2015. (In Russ.)

5. Khokhrin S. A. Mass riots committed by convicts in correctional institutions (criminal and criminological aspects). Dissertation... candidate of legal sciences. Rязань: Federal Service for the Execution of Punishment Academy of Law and Management Publ., 2011.

6. Code of Law of 1497. Russian legislation of the X—XX centuries: in 9 vol. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state / ed. by O. I. Chistyakov; man. ed. of the vol. A. D. Gorsky. Moscow, 1984. (In Russ.)

7. Petryanin A. V. Directions of the criminal-legal definition of extremism signs: theoretical and legal aspect. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 3 (27), pp. 136—140. (In Russ.)

8. Petryanin A. V. The personality of an extremist: criminological aspect. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 4 (20), pp. 104—109. (In Russ.)

9. Russian legislation X—XX centuries: in 9 vol. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state / ed. by O. I. Chistyakov; man. ed. of the vol. A. D. Gorsky. Moscow, 1984. (In Russ.)

10. Sreznevsky I. I. Materials for the dictionary of the Old Russian language. St. Petersburg, 1895. (In Russ.)

11. Monuments of Russian law. Issue 6: Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich 1649 / comp. K. A. Sofronenko. Moscow, 1957. (In Russ.)